

Плей-лист

Yellow Days – A Little While

Наставшев/Лубенников – Изнемог

The Cinematic Orchestra – To Build a Home

Перемотка – Как тебя покорить

Coldplay – Hypnotised

Sirotkin – Навсегда

Lewis Capaldi – Before You Go

Ляпис Трубецкой – Огоньки

U2 – With or Without You

ANIKV feat. SALUKI - Меня не будет

Ólafur Arnalds – Happiness Does Not Wait

Нина Бродская – Звенит январская вьюга

Michael Kiwanuka – Love & Hate

Свидания – Февраля

Tame Impala – Yes I'm changing

Земфира – Пальто

Глава первая

Все девчонки в нашем классе мечтают выйти замуж за Антона Владимировича. А те, которые говорят, что такого в их мечтах нет, просто нагло врут. Потому что в нашего географа — Золотухина Антона Владимировича, — которого я втайне от всех зову просто Золотко, нельзя не влюбиться.

Новый учитель географии, недавний выпускник педвуза, появился в нашей школе в начале учебного года, но уже успел покорить не одно женское сердце. Не только старшеклассницы вздыхали по Антону Владимировичу, но и добрая половина педагогического состава. Особенно это, конечно, касалось молодых учительниц начальных классов. Они-то и представляли для меня максимальную угрозу. Хотя и взрослые училки уж слишком настойчиво опекали Золотко. Я не раз слышала, как в столовой русичка Ирина Федоровна приветливо выкрикивала:

— Антон Владимирович, идите к нам! Мы вам место заняли. А Тамара Константиновна свежие слойки принесла...

А еще после уроков Ирина Федоровна зазывала Золотко к себе на чаепитие. Разумеется, Ан-

тон Владимирович не мог ей отказать. Потому что он галантный, воспитанный и, возможно, иногда слишком мягкий с коллегами. Ну не может человек отказать женщинам. Тем более женщинам в возрасте, таким как Ирина Федоровна. У них же чудовищная разница в возрасте — лет пятнадцать! Русичке уже под сорок, а она все с молодыми парнями заигрывает...

Конечно, у нас с Золотком тоже немалая разница — целых семь лет. Для кого-то это покажется незначительным препятствием к большой и чистой любви, но в моем возрасте — это целая пропасть. Поэтому пока я даже не предпринимаю никаких попыток завязать отношения со взрослым красивым парнем, который к тому же ведет у нашего одиннадцатого географу. Поэтому остается мне, как и всем моим одноклассницам, сидеть на уроках, подперев кулаком щеку, и мечтательным взглядом гипнотизировать Золотко...

Сегодня Антон Владимирович, как и обычно, одет с иголочки. Эх, я бы все на свете отдала за то, чтобы мой будущий парень (если им все-таки не станет Золотко) был хоть на сотую долю таким же стильным, как наш географ. С зачесанными назад волнистыми волосами цвета шоколада и пронзительными голубыми глазами. Такими чистыми, как весеннее небо.

А еще у географа просто умопомрачительный парфюм. От него можно с катушек слететь. Еле уловимый, но терпкий. Этот запах обычно чувствуешь, только если находишься близко-близко к Антону Владимировичу, например, когда, как ста-

роста класса, ждешь, пока географ заполнит журнал. Все-таки есть у старост бонусы.

Одно время я была одержима этим запахом и даже хотела приобрести такую же туалетную воду, чтобы пользоваться ей самой. Правда, название я так и не осмелилась у него спросить. Это было бы странно. Тогда я пристала с расспросами к девчонкам, не знают ли они, чем душится наш географ. Моя лучшая подруга и соседка по парте, Яна Казанцева, сказала, что у меня просто гормоны бушуют. Для семнадцати лет это нормально. Мне бы мою энергию направить в мирное русло... Помню, как я обиделась на Яну за эти слова. Мы потом не разговаривали пару дней и помирились только на контрольной по химии, потому что обе в этом предмете тупы как пробки и нам нужно было скооперироваться. Видимо, чтобы удвоить свою тупость... Но равнодушие Янки к моей несбыточной мечте меня обижало. Все-таки тяжело, когда близкие тебя не понимают и не воспринимают твои проблемы всерьез. А неразделенная любовь — это проблема. И еще какая! Без взаимности душа плачет, скулит, пустеет. Как Янка этого не понимает?

Я снова так замечталась о Золотке, что не сразу открыла тетрадь по географии. Только когда Яна бесцеремонно пихнула меня локтем, отмерла.

— Наташ, хорош на географа слюни пускать, записывай тему, — сказала мне подруга. И, как мне показалось, сказала как-то чересчур громко. Я смутилась и осмотрелась по сторонам. Но все были увлечены своими делами, и никто не обращал на нас с Яной внимания.

— Можешь это еще громче сказать? — все же буркнула я. — А то, боюсь, Антон Владимирович не расслышал.

Янка равнодушно пожала плечами. Тема урока — «Австралия. Комплексная характеристика страны». Я быстро все записала и снова отложила ручку. Австралия интересовала меня намного меньше, чем наш географ.

И хотя мы с Яной больше не разговаривали, Антон Владимирович смотрел в нашу сторону, и пару раз я встретила с ним взглядом. Оттого сильно разнервничалась и демонстративно уставилась в окно. Каждый раз, когда я замечала на себе взгляд географа, я становилась смущенной и чуточку счастливой. Разумеется, взгляды остальных учителей меня так не волновали. Разве что старый математик внушал ужас, потому что к алгебре и геометрии я приходила обычно не особо подготовленной. Не сдержавшись, я посмотрела в сторону учительского стола и снова встретила с парой голубых глаз. Пока все что-то записывали, Антон Владимирович, явно о чем-то задумавшись, гипнотизировал взглядом нашу с Янкой парту. Я опустила глаза и уставилась в раскрытую тетрадь. От волнения натянула на ладони манжеты пудрово-розовой рубашки. Это была моя любимая рубашка, и, по словам мамы, она очень шла к моим каштановым волосам и светлым глазам. К этой рубашке я подобрала нежные тени и стянула волосы лентой в тон рубашки. Каждый раз, когда в расписании стоял урок географии, я вставляла заранее и целый час наводила перед зеркалом красоту. Мама искрен-

не удивлялась, почему в один день я могу безжалостно проспять школу и выскочить из дома, едва почистив зубы, а в другой день навожу марфет, словно собираюсь на свидание. Но ведь так и было... Я и собиралась на свидание. Безмолвное «свидание» с Антоном Владимировичем, который за весь урок мог всего лишь раз бросить равнодушный взгляд в мою сторону. А может, и не равнодушный?..

Не знаю, замечали ли остальные одноклассники, что пару раз в неделю я приходила в школу особенно нарядной и хорошенькой, и догадывались ли они, в чем дело... Мне плевать. Только Янка быстро просекла «фишку» и часто с самого утра подкалывала меня на эту тему. Но на Казанцеву я не обижалась. Яна — своя.

И все-таки я волновалась. Антон Владимирович сегодня смотрел в мою сторону чаще обычного. Поэтому я непроизвольно нахмурилась и снова уставилась в окно, за которым медленно пролетали одинокие крупные снежинки. Они парили в воздухе, не опускаясь на землю. Уже начало декабря, а снега в городе так и нет. На улице уже рассвело, поэтому Антон Владимирович попросил ребят с первой парты третьего ряда выключить свет в классе. За это я нашего географа тоже была готова расцеловать. Больше всего на свете меня раздражает, когда к естественному свету добавляют искусственный... Моя мама имеет привычку летом, когда еще даже не стемнело, зажигать дома все лампы. Сразу какое-то грустное и непонятное состояние. Когда на улице светло, из-за искусственного света впадаешь в уныние...

Крупные снежинки налипали на окна и тут же таяли. Антон Владимирович убаюкивающе рассказывал нам об огромных пустынях Австралии. Тембр голоса у географа мягкий и приятный. Слушать его лекции — одно удовольствие. Даже Янка притихла. Хотя обычно она пропускает все мимо ушей и торчит на уроках в телефоне.

Однако вскоре утренняя идиллия была нарушена. Сначала перестали сыпать снежинки с неба, а потом дверь кабинета с противным треском отворилась, и на пороге появилась тучная Виола Леонидовна — наш завуч. Антон Владимирович тут же замолчал, и мы все уставились на Виолу в ожидании сообщения. Кто-то, как полагается, поднялся с места, но Виола Леонидовна тут же замахала руками — мол, сидите-сидите, я на секундочку.

— Доброе утро, ребята, — поздоровалась она.

Мы поздоровались в ответ — лениво и вразнобой. Многие с утра были в полусонном состоянии. Несмотря на всеобщую любовь к Антону Владимировичу, не всех воодушевляла география первым уроком. Многие еще клевали носом.

— Антон Владимирович, а я вот вам прогульщика привела, — довольным голосом произнесла Виола Леонидовна и потянула кого-то за рукав. Вслед за завучем в классе нарисовался Тимур Макеев. Как обычно, недовольный, будто ему все на свете должны. — Вот, пожалуйста! Слонялся по коридору.

— И еще бы послонялся немного, — сказал Макеев.

— Ты мне поговори! — погрозила пальцем Виола. Она не отпустила рукав Тимура.

— Спасибо, Виола Леонидовна, — усталым голосом произнес Антон Владимирович.

Макеев с завидной регулярностью прогуливал уроки географии, как, впрочем, и остальные гуманитарные предметы. Он у нас вроде как числился техническим гением, был на хорошем счету у физики и математика, а вот на остальные уроки откровенно забил.

И если другие учителя давно привыкли к выкрутасам Макеева и махнули на его прогулы рукой, то мое Золотко явно задевала такая нелюбовь к его предмету. Антон Владимирович всякий раз, вступая в спор с Тимуром, становился отстраненным и даже немного грустным. Конечно, невозможно нравиться всем. Но когда тебя так демонстративно игнорируют — это очень обидно. Ведь географ-то наш — педагог просто отличный! Его все любят... Ну, а я — больше всех.

— Ладно, я пошла, — сообщила нам Виола. Причем таким ехидным тоном, будто мы могли начать умолять ее остаться. Наконец она отпустила рукав Макеева, и тот молча прошел к своему месту. Антон Владимирович проводил Тимура печальным взглядом, от которого у меня сжалось сердце. Макеев — просто бездушная скотина! Так изводить молодого учителя. Я обернулась к парте Тимура и сердито посмотрела на одноклассника. К тому же я вспомнила, что он еще несколько дней назад по моей просьбе должен был подать заявку на городскую олимпиаду по физике, но до сих пор этого не сделал. А ведь я, как староста класса, должна все заявки проконтролировать. Я от злости только зубами скрипнула. Макее-е-ев!

Невозможный человек! Но Тимуру на мои гневные взгляды, разумеется, было плевать. Он сидел за пустой партией и даже учебник географии доставать не собирался. Кому и что он пытается все время доказать?

— Ты решила в них обоих дырку взглядом протереть? — склонилась ко мне Яна.

— Терпеть его не могу, — сказала я.

— Кого? Макеева? Что он конкретно тебе сделал? — удивилась Казанцева.

— Ты не понимаешь! — горячо воскликнула я.

Янка действительно не понимала. Ей было плевать на то, кто портит Золотку настроение. Да и я в двух словах не могла объяснить, из-за чего злюсь на одноклассника. Поэтому только отмахнулась.

Виола Леонидовна между тем благополучно ушла, а Антон Владимирович устало обратился к Макееву:

— Тимур, какая сегодня причина для прогула моего предмета?

— Все та же, — равнодушно ответил Макеев. — Мне не хотелось сюда приходить.

И если мои одноклассники уже привыкли к выходкам Макеева, я в возмущении заерзала на месте. Янка снисходительно покосилась в мою сторону, а затем снова уставилась в телефон.

— Вот почему он так с Антоном?.. — склонилась теперь я к уху подруги.

— Твой Антон — взрослый мужик, — усмехнулась Казанцева. — Переживет.

Мне снова показалось, что Яна произнесла это слишком громко, поэтому я отстала от нее. Про-

должим этот разговор как-нибудь в другой раз и желательно — не в кабинете географии.

Оставшаяся половина урока прошла совсем не радужно. Было заметно, что грубость Макеева все-таки выбила Антона Владимировича из колеи. Теперь наш географ все меньше говорил, а мы — все больше переписывали в тетрадь огромные абзацы из учебника. Но я не обижалась на Антона Владимировича. Кому понравится, когда к твоему предмету относятся так пренебрежительно? Да и кто? Несмышленный малолетка!

Я все никак не могла справиться со своей злостью. То и дело оборачивалась к Тимуру и награждала его презрительным взглядом. Он так и не разложил вещи и сидел с нарочито равнодушным видом, но Антон Владимирович не делал ему замечаний. Один раз мы с Макеевым все-таки встретились глазами. Одноклассник посмотрел на меня в ответ так же недружелюбно, исподлобья, как и я на него. В ту секунду я и решила, что после урока обязательно допеку Тимура по поводу заявки на олимпиаду. Чтобы жизнь медом не казалась. Привык, что все ему сходит с рук...

Я еле вытерпела до конца урока. Когда прозвенел звонок, первой вскочила из-за парты. Яна удивленно подняла на меня глаза.

— Наташ, ты чего?

Но вместо ответа я принялась заталкивать тетрадь и учебник в рюкзак.

— Потом объясню, — пообещала я.

Мне еще нужно успеть вещи собрать, в то время как Макееву и собирать нечего. Кто его знает, вдруг он снова решит свинтить с уроков? А за-

явка на олимпиаду? Классная с меня шкуру спустит!

Я даже толком не попрощалась с Антоном Владимировичем — так поспешно пришлось покинуть класс. Потому что Макеев будто чувствовал, что я имею на него виды. А может, действительно догадался. Все-таки я пол-урока на него недобро паялилась.

Когда я выскочила из кабинета, Тимур уже быстрым шагом направлялся к лестнице.

— Макеев! — выкрикнула я. Но одноклассник сделал вид, что не слышит меня. Тогда я понеслась вслед за Тимуром. А этот гад, как назло, только прибавил ходу. Пришлось сбегать за ним по лестнице, маневрируя между другими ребятами.

— Тимур! — снова закричала я.

Макеев обернулся, теперь уж точно заметил меня — и нарочно побежал дальше. Чертыхнувшись, я поскакала за ним, минуя сразу пару ступеней. Один раз чуть не навернулась.

Догнала я Макеева только на первом этаже возле столовой. Схватила за руку точно так же, как сделала это сегодня Виола, и возмущенно рявкнула:

— Ты почему от меня убегаешь?

— А ты почему за мной гонишься? — спросил Макеев.

Я, стараясь отдышаться, наградила его убийственным взглядом. Тимур смотрел на меня насмешливо сверху вниз, и в его темно-карих глазах я увидела себя — маленькую и очень рассерженную.

— Олимпиада... — выдохнула я. — По...

Загадай любовь

— По физике, — услужливо подсказал мне Макеев.

— Ага. Ты... ты должен был...

— Подать заявку, — снова добавил Тимур.

— Подать заявку, — как попугай повторила я. И зачем-то кивнула. Этот кивок я снова разглядела в карих глазах Макеева. — Почему ты этого до сих пор не сделал?

— Потому что не хочу, — ответил Тимур так же прямо, как отвечал на вопрос Антона Владимировича о своем прогуле.

— То есть как это — не хочешь? — снова возмутилась я. — А если надо?

— Кому надо? — вдруг улыбнулся Макеев, и тогда я совсем растерялась от его наглости.

— Школе, — пролепетала я.

— Но не мне же.

— Как у тебя все просто! — вскипела я. — Знаешь, Макеев, в этой жизни у людей есть не только права, но и обязанности!

— Вот и исполняй свои обязанности, что ты в меня-то вцепилась? — Макеев перестал улыбаться. И, похоже, тоже уже начинал злиться.

— Да нужен ты мне! — рассердилась я в ответ. — Просто подай заявку, и я от тебя отстану...

Макеев дернулся было в сторону, чтобы просто молча от меня уйти, но не тут-то было. Я крепче схватила его за руку и потянула на себя с новой силой.

— Макеев!

— Что, Зуева? Ты мне так руку оторвешь.

— Ой, прости! — отозвалась я: действительно немного не рассчитала силы.

— Да ничего страшного, — нарочито любезно отозвался Тимур. — Если что, у меня есть вторая.

В коридоре стоял гомон, да еще и у меня от возмущения в ушах гудело. Я не замечала ничего вокруг, только как дура пялилась на свое отражение в глазах Макеева, отчего-то не в силах отвести взгляд. Поэтому-то и не заметила, как рядом с нами оказался Антон Владимирович. Тимур первым его увидел, потому как вид его стал еще более недовольным, чем обычно. Я обернулась и тоже уставилась на географа. Тут же сообразила, что до сих пор держу Макеева за руку. Будто за гипнотизировал меня, гаденыш! Я поспешно отпустила руку Тимура, а тот нервным движением провел рукой по ежику светлых волос.

— Наташа, как хорошо, что я вас здесь встретил, — сказал Антон Владимирович, одарив при этом Макеева неприветливым взглядом. — Вы так быстро убежали после урока...

— Простите, — выдавила я из себя. Хотя, конечно, ничего плохого я не сделала. Откуда мне было знать, что я могу понадобится Золотку? Как обычно, в присутствии Антона Владимировича у меня начали потеть ладони. Какой же он красивый! Почему он так хорош собой, а я так молода, да к тому же — его ученица? Жизнь несправедлива!

— Ну что вы, зачем извиняться, — улыбнулся Антон Владимирович. — Сколько у вас сегодня уроков?

— Шесть, — ответил вместо меня Макеев. Я в это время уже плыла от очаровательной улыбки географа.

— Отлично, — сказал Антон Владимирович, глядя при этом на меня. Тимура он теперь игнорировал. — Тогда подойдите ко мне, Наташа, после уроков. Есть дело. Очень вас прошу!

Долго и «очень» упрашивать меня не пришлось. Я тут же послушно закивала, до сих пор не веря своему счастью. Мы останемся одни! Тет-тет! Но для чего?..

Когда Антон Владимирович скрылся из виду, мы с Тимуром снова схлестнулись взглядами. Молча пялились друг на друга до тех пор, пока не прозвенел звонок на следующий урок.

— Поздравляю, — наконец произнес Тимур.

— С чем? — удивилась я.

— А ты подумай своей черепушкой, Зуева, — усмехнулся одноклассник.

У меня тут же вспыхнули щеки. Он знает! Знает, почему я ношу по вторникам и четвергам нарядные блузки и заплетаю ленты в косу... Но какое ему до этого дело?

— Не забудь про заявку, — буркнула я, первой направляясь к лестнице.

Плевать на то, что вообразил себе Макеев. Главное — не это. Ведь Антон Владимирович будет сегодня ждать меня после уроков.

* * *

Холодный ветер подгонял меня вперед, мокрые снежинки налипли на ресницы и брови, а под ногами хлюпала каша из растаявшего снега. Но непогода ничуть не портила настроение. Щеки мои горели, а глаза наверняка искрились, как декабрьский снег.

Да, наш разговор с Антоном Владимировичем был слишком формальным и коротким. Географ рассказал, что у него появилась идея отправиться вместе с нашим классом на Новый год за город в огромный гостевой дом к своему приятелю. Есть в нашей области такое чудесное место — Васильево. Там горы, ели и самый чистый воздух. Доехать до поселка можно на электричке. Но самое главное — рядом с дачным поселком приятеля в Васильево есть отличный горнолыжный курорт. И если нашему классу интересно...

Не знаю, как «нашему классу», а я от счастья чуть не закричала. Встретить Новый год со своей пусть и не сбывшейся, но все-таки мечтой... Это ли не праздничное чудо? Кажется, я дала ответ еще до того, как Антон Владимирович успел закончить фразу. Мой энтузиазм наверняка сбил молодого учителя с толку, потому как он смутился и сбивчиво продолжил:

— Конечно, нужно еще поговорить с вашим классным руководителем. И у ребят поспрашивать. Поэтому я вас, Наташа, и пригласил как старосту класса...

— Да, да, да, — с готовностью закивала я, снова перебив. — Все понимаю. Я обязательно со всеми поговорю!

Смущающийся Антон Владимирович нравился мне еще больше. Это очаровательно: иногда он краснел, как школьник. И когда его приглашали за свой стол учителя, угощая слойками; и когда кто-то с восторгом отзывался о его предмете или же смотрел на него с нескрываемым восхищением, вот как я в эту минуту. Конечно, мне нужно быть

сдержаннее, но я никогда не умела скрывать своих эмоций.

— Вот и замечательно, — пробормотал Антон Владимирович. — Я всегда знал, что могу на вас рассчитывать, Наташа.

Так и сказал. Я всегда это знал. На-та-ша... Из его уст мое имя прозвучало так мягко и подоброму. Конечно, Янка бы сейчас сказала, что я все надумываю. И «Наташа» он произносит точно так же, как и все остальные. Но я сердцем чувствовала: здесь другое. Куда приятнее мне было услышать «Могу на вас рассчитывать, Наташа» от Антона Владимировича, чем «А ты подумай своей черепушкой, Зуева» от Макеева.

Внезапно разыгравшаяся вьюга подгоняла меня к дому. Снег все падал и падал, но при плюсовой температуре практически тут же таял. Забежав в подъезд, я отряхнула куртку и потеряла замерзшие руки одну о другую. Я всегда забываю дома перчатки. Хотя моя старшая сестра, Алина, тысячу раз мне говорила о том, как важно ухаживать за руками смолоду, увлажнять их кремами и носить зимой перчатки.

Не дожидаясь лифта, я побежала по лестнице, наспех поприветствовав встретившуюся на моем пути соседку с третьего этажа. В голове все крутилось: «Я всегда знал, что могу на вас рассчитывать, Наташа...», и от этого хотелось счастливо распевать песни. Если дома никого не будет, я врублю музыку и все-таки спою. Мне нравилось оставаться дома одной. Жаль, что мне редко выпадала такая удача. Только отец до вечера засиживался на работе. Мама — фрилансер-переводчик —

целыми днями торчала у компа. Сестра особо нигде не задерживалась и, как прилежная девочка, после института сразу спешила домой. Не удивлюсь, если она за всю жизнь даже ни разу не прогуливала учебу. То ли дело мы с девчонками. Вместо физики легко можем завалиться в «Мак» и поесть картошки с чизбургером.

Однако сегодня и у мамы, и у сестры намечались какие-то дела, и надежда побыть одной у меня все еще теплилась. Я отворила ключом дверь и прислушалась. Из кухни доносился смех Алины и монотонный мужской голос. Расслышав его, я почувствовала, как сердце мое упало.

Глава вторая

Алина училась на третьем курсе филологического факультета и по праву считалась его гордостью. Она и в школе была лучшей ученицей в классе, а в институте стала самой перспективной студенткой своего потока. Но это не означает, что моя сестра — страшная зануда и синий чулок. Алина — идеальная дочь, которая все и всегда успевает. Прилежно учится, поддерживает порядок в квартире, не имеет вредных привычек, знает себе цену. Конечно, родители Алиной страшно гордятся, и редко какая взбучка по поводу моего поведения обходится без фразы: «Посмотри на свою сестру...»

Алина у нас красивая: высокая, с темно-русыми длинными волосами и синими-синими глаза-

ми. У моей сестры всегда было много ухажеров, но никто долгое время не мог покорить ее сердце. Все изменилось прошлой зимой, когда к ним в институт перевелся красавчик Эдуард Кравец. Эдик учился на курс старше. Ему с первого взгляда понравилась Алина, а Алине понравился Эдик... Моим родителям Кравец тоже с первого взгляда приглянулся. Да так сильно, что они практически сразу принялись называть его в шутку «зятьком». Алина только счастливо хихикала, потому как не прочь была выйти за Эдика замуж. И он действительно этой осенью сделал моей сестре предложение. Алина не могла отказать Эдику. Все были просто счастливы. Все, кроме меня. Потому что я этого Эдика просто не перевариваю.

А началось все летом, когда я вернулась из английского лагеря. Мама тогда долго ахала и охала, как я повзрослела за лето, загорела, изменилась... И вообще теперь я настоящая невеста! Я и правда здорово вытянулась за лето. И разглядела в себе что-то такое, чего не было раньше. Появилась во мне какая-то манкость и загадочность. Это меня одновременно и радовало, и страшно пугало. Тогда же я и начала замечать на себе внимательные взгляды Эдика, от которых мне становилось неуютно. Правда, складывалось впечатление, что эти красноречивые взгляды от Кравца замечаю только я. Родители и Алина продолжали восхищаться умницей Эдиком, а сам Кравец с завидной регулярностью стал появляться у нас дома.

Осенью, перед тем как поступило предложение руки и сердца, Эдик и Алина сильно поссорились, и я наконец вздохнула с облегчением.

Не знаю, что у них там произошло (с сестрой мы никогда особо не были близки, и она редко что-то мне рассказывала), но Кравец прекратил захаживать к нам в гости. И это были две счастливейшие недели в моей жизни. Правда, Алина все это время слонялась по квартире как смерть. Бледная, лохматая, убитая горем... А потом Эдик снова появился у нас. Встал на колени и достал из кармана пиджака кольцо. Родители и Алина были на седьмом небе от счастья. А мне хотелось рычать от злости. Потому что странные взгляды в мою сторону, несмотря на предложение, не прекратились.

— Ой, вроде там Натуся пришла, — слышался из кухни довольный голос Алины.

Я внутренне съежилась. Мне хотелось незаметно прошмыгнуть в свою комнату, не встречаясь с сестрой и ее женишком.

— Натуся! — будто нарочно закричала Алина. — Иди к нам! Эдик такие мандарины принес. Целый ящик!

Я тяжело вздохнула. Скинула кроссовки, повесила пуховик на крючок. Да так и замерла на месте, не решаясь пройти на кухню. Алина все-таки выглянула в коридор.

— Натусь, ну ты где? Ты опять в кроссовках ходила? А мои сапоги замшевые? Те, что мне по размеру не подошли.

С самого детства я ненавидела донашивать одежду за старшей сестрой. Потому что мы совершенно разные. Алина любит строгость и консервативность во всем, а мне подавай свободу и яркие краски. Как хорошо, что с возрастом вещи сестры

перепадали мне все реже. Но иногда случались исключения.

Я не ответила на вопрос про кроссовки. Снега ведь еще толком нет, чего пристали? Кроссовки — самая классная и универсальная обувь на свете.

— Ты ведь знаешь, как папа бы тебя назвал? — добродушно рассмеялась Алина. Она всегда была такой смешливой и веселой, когда Эдик был у нас в гостях.

— Знаю, знаю, — буркнула я. — Шарик в кедах из «Простоквашино».

— Вот-вот, — не переставала улыбаться сестра. А потом вдруг подбежала ко мне и потянула за руку. — Ну, идем же! Там Эдик ждет... Неприлично.

«Неприлично на младшую сестру своей невесты пялиться», — с раздражением подумала я. Но все-таки покорно последовала за Алиной.

Эдик расселся за столом, будто был хозяином в доме. Как обычно, пижон пижоном — с идеальной укладкой, в теплой водолазке и шерстяных модных брюках. Он привычно поправил вихор светлых волос и уставился на меня пронзительными зелеными глазами. Я тут же отвела взгляд.

— Привет, — первым поздоровался Эдик.

— Здравствуйте, — буркнула я.

Алина словно не замечала всей этой неловкости. Все так же счастливо улыбаясь, указала на стол. На нем стояла огромная тарелка с мандаринами.

— Вот! Картина «Создаем новогоднее настроение», — сказала сестра.

— До Нового года еще почти месяц, — возразила я.

— Не будь занудой, — привычно отмахнулась сестра. — Сегодня первый снег как раз пошел. Всех поздравляю!

Мы с Эдиком молчали. Мне хотелось как можно скорее испариться с кухни, несмотря на то что после школы неплохо было бы пообедать.

— Угощайся. — Эдик придвинул ко мне тарелку с мандаринами.

— Спасибо, не хочу. У меня на них аллергия.

— Впервые слышу! — отозвалась Алина. — И давно?

— С прошлого года, — не моргнув глазом соврала я.

— Я совсем о тебе ничего не знаю, — расстроилась сестра. — Мы мало общаемся. Хочешь, в выходные вместе с нами на горнолыжку? Там уже снега по колено.

— Нормально мы общаемся, — поспешно возразила я. Мысль о том, что можно провести целый уик-энд в компании Эдика привела меня в ужас. — Ладно, мне пора.

Когда я вышла в коридор, из кухни снова слышался довольный смешок Алины. А меня снова накрыло. Неужели она ничего не замечает? Или мне все только кажется? В любом случае оставаться дома желания не было. Я пробралась к вешалке и нашла в кармане телефон. Эдик Эдиком, а мне предстоит рассказать подругам кое о чем важном — предстоящей поездке за город с Золотком...

В телефоне я открыла мессенджер и сбросила в общий чат сообщение: «Девочки, внимание! Код «Красный». Подруги должны понять: нам пора встретиться.

Каждый раз мы собираемся в «Макдоналдсе» за углом школы, чтобы обсудить насущные проблемы. Встречаемся у входа и вместе заходим в ресторанчик, чтобы выбрать лучший столик. По счастливой случайности чаще всего нам удается занять один и тот же — у окна. И вот сейчас мы снова уминаем картофель фри и смотрим на суетящийся город, в то время как за окном бесшумно падает снег. За день ему все-таки удалось принарядить декабрьские улицы — снег припорошил дороги, навис на деревьях и проводах. И сразу стало так нарядно и празднично вокруг. Даже дурные мысли по поводу Эдика куда-то улетучились. Теперь я думала об одном: об Антоне Владимировиче и нашей поездке за город.

Мои подруги — одноклассница и соседка по парте Яна Казанцева (часто слишком саркастичная и ядовитая мадам) и добродушные близняшки Снежана и Милана, которые учатся в параллельном одиннадцатом и являют собой полную противоположность Янке. Казанцева — высокая (выше нас троих почти на целую голову), с темным хвостом и косой челкой, спадающей на глаза. Одевается Яна, как и моя сестра, очень уж консервативно. В вязаные пуловеры и строгие брюки. Близняшки же — обе белокурые и кудрявые, волосы по плечи. Они любят одеваться ярко и привлекать к себе внимание. Смешливые, несерьезные и крайне озабоченные чужими делами. Мои — в частности.

— Ну, рассказывай! — потребовала Снежана.

— Что у тебя стряслось? — добавила Милана. — Ты из-за Золотка нас пригласила?

Конечно, моя безответная любовь к географу не была для подруг секретом. Сначала об этом догадалась Яна, а потом пришлось признаться и близнецам. Потому что держать в себе большие светлые чувства у меня не было никаких сил.

— Видели бы вы, как Зуева сегодня опять вырядилась, — подала голос Янка. — Как на парад.

Я показала подруге язык и потянулась за чизбургером. Налетела на него, будто была с голодного края. Девчонки, судя по всему, успели пообедать дома, поэтому ограничились молочными коктейлями.

— Осторожно, не подавись, — предупредила Снежана, озадаченно поглядывая на меня из-за того, как я поспешно ем.

— Жуй лучше, — присоединилась к ней Милана. — Ты дома не ела, что ли?

Я помотала головой.

— Не успела, — ответила я с набитым ртом. — К нам этот приехал... Эдик. С ящиком мандаринов.

— Как Чебурашка, что ли? — рассмеялась Яна.

— Ну, — сердито отозвалась я. — Будь он неладен.

— По-прежнему пялится? — сочувствующе спросила Снежана.

— А то как же!

— Почему ты не расскажешь об этом родителям или сестре? — спросила Янка.

Я растерялась.

— Так ведь пялится всего лишь... Не пристаёт же, — наконец ответила я.

Рассказать родителям о своих опасениях казалось мне чем-то постыдным и гадким. А если они не поверят? Алина так точно не поверила бы. Еще и выдумала бы себе чего-нибудь... Она очень впечатлительная. Домашние ведь никогда меня не воспринимают всерьез. «Наташа, не выдумывай глупости!» — слышу я на все свои предположения. А ведь этого Эдика вся моя семья просто боготворит.

Яна наблюдала за тем, как я ем, и только неодобрительно качала головой.

— Нет, ты все-таки подумай над тем, чтобы рассказать все хотя бы маме. Она вроде у тебя адекватная.

— У тебя замечательная мама, — согласилась Снежана.

— Самая лучшая! — добавила Милана.

Я в ответ усмехнулась.

— А Наташа у нас не хочет решать проблемы, — наставительным тоном продолжила Казанцева. — Она хочет носить красивые блузки и на уроках пускать слюни на географа.

— Что плохого тебе сделали красивые блузки и географ? — возмутилась я.

— Голова тебе для чего?

— Вот для этого, — сказала я, обмакнув пару картофельных долек в горчичный соус и отправив их в рот.

Близняшки заулыбались, а вот Янке было не до смеха. Но мне не хотелось говорить об Эдике. Эта тема была для меня неприятной, запретной и какой-то пугающей. В конце концов, для чего мы тут собрались? Обсуждать слизняка Кравца? Ну

уж нет! Поэтому я, напомнив, что не хочу говорить о женихе моей сестры, перешла к главному — предложению Антона Владимировича встретить Новый год всем классом.

— Думаю, из вашего класса тоже желающие найдутся, — с энтузиазмом сообщила я близняшкам после рассказа о предстоящей поездке. — Конечно, все это так волнительно и ответственно... Ведь это мне нужно организовать сбор.

— Странно, а почему это он тебе предложил этим заняться? — сощурившись, спросила Яна.

Я покраснела.

— Наверное, понял, что я не подведу.

«Я всегда знал, что могу на вас рассчитывать, Наташа...»

— Все-таки я староста класса, — добавила я.

Почему-то в школе взрослые относились ко мне совсем по-другому, нежели родные. В классе я производила впечатление самого ответственного человека. А вот дома мне мама даже не позволяла ухаживать за цветами, боясь, что из-за меня они могут погибнуть. Цветами и уютом у нас в семье занималась только Алиночка.

— Поэтому ты моталась к нему в кабинет после уроков? — уточнила Яна.

— Ну, да.

— Когда он тебя позвать-то успел? После географии ты из кабинета выскочила как ошпаренная.

— Так на перемене, — принялась объяснять я. — Как раз, когда я Макеева с олимпиадой пыталась.

— Макеева? — отозвалась Снежана.

— Это тот короткостриженный блондинчик из вашего класса?

— Ага, — помрачнела я, вспомнив, как Тимур поздравил меня с «тет-а-тетом» с географом.

— Он хорошенький, — кивнула Милана.

— Он — чудовище! — скривилась я.

Близняшки удивленно посмотрели на меня.

— Терроризирует бедного Золотка и прогуливает его уроки, — пояснила за меня Яна.

— М-м-м, — промычали сестры, красноречиво переглянувшись. Подруги считали мою увлеченность географом маниакальной.

А Янка вдруг начала хихикать.

— Ты чего? — удивилась я.

— До сих пор не могу забыть, как ты на Новый год Макееву подарила полкоробки шоколадных конфет, — сквозь смех проговорила Казанцева.

— Ой, да я там съела всего-то пару штук! — запротестовала я. Но, подумав, криво улыбнулась: — Ладно, штук пять...

Эта история произошла в седьмом классе. Тогда мы впервые играли в «Тайного Санту», и мне в «подопечные» достался Тимур Макеев. О «Санте» я начисто забыла до того дня, когда подарок нужно было нести в школу. Тогда я взяла из серванта первую попавшуюся коробку конфет. У нас этих коробок тьма-тьмущая: папу на работе на кафедре с наступающим Новым годом каждый раз конфетами задаривают. Из дома я выскочила в последнюю минуту, не успев позавтракать. Даже решила до школы на автобусе добраться. Всю дорогу я гипнотизировала изображенные на коробке конфеты. Такие аппетитные,

с орехом внутри и кокосовой стружкой сверху. Не выдержав, распечатала, и слопала несколько штук. Планировала только попробовать, но одной конфетой ограничиться не удалось. О чем, кстати, до сих пор ни капли не жалею. Конфеты оказались обалденными. В итоге коробку конфет вместе с запиской «Тиму М.» я тихонечко положила в красный мешок «Тайного Санты». До сих пор не знаю, какая реакция была у Макеева, когда он получил свой подарок...

Вскоре я начисто забыла про эту историю, а Янку мой «секрет» так развеселил, что она до сих пор каждую зиму мне это припоминает.

Когда мы вышли на улицу, уже стемнело. Мелкие снежинки хороводили в свете фонарей. Болтая и скрипя свежим снегом, мы добрались до перекрестка, где обычно и расставались. Пока светофор горел красным, Яна хлопнула себя пушистой варежкой по лбу.

— Мне же тетя привезла печенье с предсказаниями. Я вам несколько штук взяла.

Она полезла в сумку и достала яркую коробку. Мы стояли под сплошным снежным кружевом и делили печенье. И почему-то это мне показалось настоящим зимним таинством, преддверием нового волшебства.

Снежана и Милана решили съесть печенье дома, а я свое в нетерпении разломала сразу. Под желтым светом фонаря мы хором прочитали послание: *«Иногда нужно что-то разрушить, чтобы освободить место для чего-то нового».*

Мы переглянулись.

— И что это означает? — удивилась Яна.

— Определенно что-то хорошее, — с энтузиазмом отозвалась я, думая о предстоящей на каникулах поездке за город.

Глава третья

Следующий школьный день оказался ничем не примечательным. Разве что еще утром я проснулась со странным чувством, будто сегодня должно произойти что-то такое, из-за чего жизнь моя сойдет с привычной орбиты и все вокруг больше не будет прежним. Непонятное и оттого немного неприятное ощущение поселилось внутри.

После уроков классуха собрала нас на классном часе и рассказала всем об идее Антона Владимировича отправиться вместе на новогодние каникулы кататься на лыжах за город. Ребята восприняли эту новость с энтузиазмом. Еще бы. Ведь географ был всеобщим любимцем. Но главное: поездка за город — это долгожданная свобода. Заснеженные склоны, лыжи, горячий шоколад, хорошая компания и никакой школы. Многим показалось это очень воодушевляющим. Правда, в зимнюю сказку пока не особо верилось. За ночь весь вчерашний снег растаял, оставив после себя наутро лишь неприятную слякоть. Но даже если в городе не будет снега, как в прошлом году, за городом-то его — завались! Еще одна причина покинуть мегаполис и отправиться в поход. Классная поручила мне заняться списком желающих встретить Новый год в Васильево.

После новости о предстоящем походе с Золотком и одобрительного гудения я зачем-то обернулась к парте, за которой сидел Тимур. Хотелось посмотреть на его разочарованное лицо. Но Макеева на месте не было. Конечно, это же Макеев. Делать ему, что ли, больше нечего — посещать после уроков всякие там классные часы. В том, что он откажется от поездки с Антоном Владимировичем и не запишется, я даже не сомневалась. Макеев, как выяснилось, вообще со списками не дружит.

После классного часа Янка сразу засобиралась домой, а мне пришлось еще немного задержаться, чтобы выяснить у классной все организационные вопросы.

Когда вышла из кабинета, школьные коридоры были уже пусты. Занятия у второй смены пока не начались, поэтому в здании было непривычно тихо. Я отнесла журнал в учительскую и спустилась в гардероб. Наматывала огромный шарф горчичного цвета на шею и с тоской смотрела в окно, как ветер размазывает крупные капли по стеклу. Погода снова была не декабрьской. Вместо вчерашних снежных кружев в городе снова дождь и серость.

Еще со школьного крыльца я заметила знакомый синий «Киа Сид», и настроение мое еще больше испортилось. И тут же вспомнилось то странное чувство тревоги, которое посетило меня сегодня утром. На душе стало тяжело.

«Сид» принадлежал Эдику. И если он приехал к моей школе без Алины, то ничего хорошего от нашей встречи я не жду.

Кравец вышел из машины один. Огляделся по сторонам и, разумеется, сразу заметил меня на школьном крыльце. Больше-то здесь никого не было. Я напряглась. Что ему надо? Когда Эдик, глядя на меня, широко заулыбался, я нахмурилась. Если он думал, что я подойду к нему — не тут-то было. Не горю желанием... И вдруг в голове поселилась неприятная мысль: а если его послала Алина? Вдруг что-то стряслось? Тогда я все-таки сбежала с крыльца и направилась к Эдику. По мере того как я подходила, улыбка на лице Кравца становилась шире. Если бы у моей сестры были неприятности, вряд ли бы Эдик так сиял. Хотя я ничему уже не удивлюсь. Этот парень вселял в меня какой-то неподдельный ужас.

— Привет! — снова первым поздоровался Эдик.

— Привет! — отозвалась я глухо, оглядывая его машину. И все-таки она была пустой. Эдик без Алины. Тогда я сразу спросила: — Что ты здесь делаешь?

Институт, в котором учились Кравец и моя сестра, находился совсем в другой стороне. Эдик, не переставая улыбаться, смотрел на меня. Он был без шапки, и ветер трепал его светлые волосы.

— А я мимо твоей школы проезжал, — наконец начал он. — Как раз к вам еду. Меня Алина ждет. Думал, вдруг у тебя занятия в это время закончились. И видишь, как повезло? Могу подвезти до дома.

Да уж, везуха, ничего не скажешь. Я обернулась и посмотрела на школьное крыльцо. На нем появился Антон Владимирович. Он посмотрел в

нашу сторону, неодобрительно осмотрел Эдика, а затем кивнул мне на прощание. Я растерянно кивнула ему в ответ. Вот проклятье! А если он решит, что этот болван Эдик — мой парень? Хотя какая разница... Антон Владимирович — несбывшаяся мечта. А Эдик... От него я просто не знаю, чего ожидать.

Кравец проследил за Антоном Владимировичем, как-то странно усмехнулся, а затем распахнул пассажирское сиденье «Киа».

— Прошу!

Я с сомнением оглядела пассажирское место. Конечно, заманчиво было бы сейчас нырнуть в машину и с теплом и комфортом домчаться до дома. А с другой стороны... Провести лишние минуты наедине с Эдиком? Кошмар! И тут же что-то странно кольнуло в груди: а если он начнет ко мне приставать? Ну, нет... Выдумываю, как сказала бы моя мама. Скорее всего, на самом деле все обстоит действительно так, как и сказал Эдик. А у меня просто паранойя развивается.

— Ну как? — поторопил меня Кравец, заметив, что я не спешу садиться в его машину.

— Вообще-то я не могу, — не слишком вежливо сказала я. — У меня встреча.

— Встреча? — переспросил Эдик. — Где?

— Прямо здесь, — ответила я. — Что-то вроде свидания.

— Свидание? — удивился Кравец. Будто я не могу с кем-то встречаться. Лицо Эдика стало недовольным.

Я завертела головой в поисках своего выдуманного кавалера.

— Ага. Он как раз сейчас придет. Ну... Мой па-
рень.

Но двор, как назло, был пустым. Наконец дверь школы распахнулась, и на крыльце показался Макеев. Я думала, он уже давным-давно смылся домой, раз прогулял классный час, а он, по-видимому, как обычно, завернул в спортзал, чтобы покидать мяч в кольцо. Сама я этого не видела, но близняшки мне говорили, что наши мальчишки имеют привычку торчать после уроков в спортзале.

Макеев похлопал по карманам в поисках чего-то... Равнодушно скользнул взглядом по мне и Эдику и отвернулся.

— Он? — кивнул в сторону Макеева Эдик.

— Он, — во второй раз соврала я.

Снова обернулась и выкрикнула:

— Ти-мур!

Макеев поднял голову и посмотрел в нашу сторону. Я помахала ему. А одноклассник, будь он не-
ладен, остался стоять.

— Я здесь! — снова крикнула я.

— Ага! Я вижу! — громко ответил Макеев.

Мне хотелось рвать и метать. И рычать от злости. Но я продолжала стоять и натянуто улы-
баться.

Эдик продолжал ежиться от холодного ветра.

— Может, сядем уже в машину? — снова пред-
ложил он уже слегка раздраженно.

Я покачала головой. Обернулась к Макееву и замахала рукой, подзывая его к нам. При этом попыталась сделать самый умоляющий взгляд из всех возможных. Наконец до Тимура дошло. Он

спустился с крыльца и неторопливо направился в нашу сторону. Эдик впился в Макеева угрюмым взглядом.

— Вот ты где! — не нашла я ничего лучше, как начать разговор с этой глупой фразы. Сказала это так неестественно весело, будто Макеев был ребенком, который спрятался, просто прикрыв лицо ладонями, а я делала вид, что его долго искала.

Тимур покосился в сторону недовольного Эдика и кивнул:

— Вот я где.

— А я тебя жду, жду...

— Меня? — недоумевал Макеев.

Тогда я порывисто обняла растерянного Тимура и повисла на нем, как сосиска. Макеев меня в ответ обнимать не стал.

— Ну, мы пошли, — нарочито счастливо сказала я Эдику, оторвавшись от объятий с Тимуром.

— Ага, — отозвался Эдик.

— Алине привет!

Кравец натянуто улыбнулся и обошел машину. Сел за руль, громко хлопнул дверью, завел мотор... Но «Киа» почему-то не трогалась с места. А мы с Макеевым продолжали молча стоять, как два истукана. Я готова была проклясть все на свете. Ведь теперь вместо того, чтобы на законном основании идти домой после школы, я вынуждена буду слоняться пару часов по улице, находясь якобы на свидании. Еще и погода хуже некуда. Ветер словно озверел. Редкий колючий снег летел в лицо.

Эдик так и не уезжал, чем очень раздражал. Продолжал сидеть в машине и смотреть на нас с Макеевым.

— Возьми меня, пожалуйста, за руку, — попросила я Тимура.

— А?

— И уведи куда-нибудь.

Наконец Макеев без лишних вопросов сделал так, как его просят. Взявшись за руки, мы направились по аллее в противоположную сторону от школы. Тимур держал меня за руку осторожно, будто не знал, чего от меня ждать. Да я и сама иногда этого не знала. Выдумала же вот себе свидание...

— Кто этот тип? — спросил Макеев, когда мы немного отошли.

— Жених моей сестры, — ответила я.

— И он тебе не нравится?

— Терпеть его не могу, — призналась я Макееву. И ведь снова не объяснишь, что ничего плохого мне Кравец не сделал. Просто у меня дурное предчувствие на его счет.

Некоторое время мы так и шли молча, не расцепляя рук, хотя синяя «Киа» была уже далеко позади. Словно, оба о чем-то задумавшись, не обращали внимания на внезапную и такую непривычную близость. Когда до меня наконец дошло, что происходит, я немного смутилась и первой выпустила теплую широкую ладонь Тимура. Он на это никак не отреагировал, просто продолжил шагать рядом со мной. Тогда я осторожно покосилась на профиль одноклассника. Правильные черты лица, прямой нос, черные изогнутые ресницы,

красивые губы... На Макееве модный черный пуховик и подогнутая шапка. Изучив лицо, я скользнула взглядом по серебряному колечку в левом ухе. Пожалуй, Макеева можно признать очень даже симпатичным, странно, что я никогда не обращала на него внимания. Хотя... У меня совсем другие вкусы и идеалы. Тимур для меня слишком неформальный и безалаберный. А вот Золотко... Эх, Антон Владимирович, Антон Владимирович... Ну почему вы так недосягаемы для ученицы одиннадцатого «А» класса?

Тимур, думая о чем-то своем, вдруг улыбнулся.

— Почему ты на меня так пялишься? — спросил он, так и не поворачиваясь ко мне.

Я страшно смутилась:

— С чего ты взял?

— Я вижу боковым зрением, — сказал Тимур, глядя себе под ноги. Он продолжал улыбаться.

— Как голубь? — спросила я.

Тогда Макеев хрипло рассмеялся. Из его рта вырвался пар.

— Да, что-то вроде того. Как рыба.

Я не сдержалась и тоже улыбнулась. Было немало странно брести в такой холод куда глаза глядят с парнем, с которым меня не связывает абсолютно ничего. Не считая той коробки конфет в седьмом классе, из которой я увела несколько штук. Да мы с Макеевым ни разу и не общались толком.

И снова поднялся холодный ветер, а снег неприятно покалывал щеки. Из-за того, что снежинки летели прямо в лицо, мы оба хмурились. Это

был самый неподходящий момент, но я все-таки спросила:

— Какие у тебя планы?

— На жизнь?

— На день, — вздохнула я, пряча руки в карманы пуховика. — Может, прогуляемся?

Возвращаться домой рано. Конечно, можно было завалиться к Яне, но она жила слишком далеко от школы, а близняшки наверняка сейчас на занятиях танцами... Внезапно я поймала себя на мысли, что придумываю «отмазки» и мне просто нравится идти под снегопадом и ветром рядом с Макеевым. Эта мысль мне совсем не понравилась. С чего бы у меня возникло вдруг такое желание?

— Но мы вроде и так гуляем, — повернулся ко мне Тимур и сверху вниз посмотрел в глаза. И я снова увидела себя в отражении темных радужек: маленькую, растерянную, в огромном желтом шарфе...

— Тоже верно, — первой отвела я взгляд. — И ты даже не спросишь, почему мы гуляем?

— Погодка больно хорошая, — серьезно сказал Тимур.

Я сильнее укуталась в шарф и точно так же, с самым серьезным видом, кивнула.

Мы дошли до набережной, где снег валил еще гуще. У нас с Тимуром не было ничего общего, поэтому мы оба преимущественно молчали, но, удивительное дело, меня это ничуть не напрягало. Если мы и произносили фразы, то только короткие и какие-то глупые.

Заметив, как я прячу руки то в карманы, то в рукава, Тимур спросил:

— А где твои перчатки?

— Я их все время теряю.

Тогда Макеев полез в карман и достал свои — вязаные, черные и, кажется, совсем новенькие.

— Вот, возьми.

— А ты?

— У меня никогда руки не мерзнут.

— У нашей старой собаки тоже никогда не мерзли лапы.

— Ты все время меня будешь с разными животными сравнивать?

— Прости.

— Кем еще назовешь?

— Могу лошадю.

— Очень хорошо.

Молчание. Но перчатки у Макеева просто замечательные. Мягкие, теплые. Хотя и большие. А еще почему-то стало так приятно, что Тимур дал мне их поносить...

— Странные у нас с тобой разговоры, Макеев.

— Хочешь горячий чай?

— Чай?

— И хот-дог.

Мы остановились у палатки с быстрым питанием и взяли два стаканчика чая на вынос и два французских хот-дога. Мне с кетчупом, а Макееву — с горчицей.

Поставили стаканчики на припорошенный снегом широкий парапет и уставились на темную воду. Ели молча. Набережная в это время была практически пустой. Вода в реке еще не замерзла. Жуя хот-дог, я с задумчивым видом уставилась на черную водную рябь.

Загадай любовь

— А хочешь, я ему морду набью? — спросил вдруг Макеев.

— Кому? — не сразу поняла я.

— Жениху твоей сестры.

— Зачем? — засмеялась я, сделав глоток горячего чая. После съеденного хот-дога стало намного теплее. Перчатки Макеева я зачем-то убрала в карман.

— Ну, ты же терпеть его не можешь, — пожал плечами Тимур.

— Ты мне тоже не особо нравишься, Макеев, — со смехом сказала я, снова отпив чай. Картонный стаканчик обжигал пальцы.

Снег вдруг перестал падать, и из-за туч вылезло солнце. Яркое и уже по-настоящему зимнее. Тимур, прищурив один глаз из-за слепящих лучей, повернулся ко мне и осмотрел меня с нескрываемым интересом. Я улыбалась и теперь тоже не отводила от него взгляд.

— Поэтому если ты себе там что-то надумал... — продолжила я.

— А что я могу надумать? — улыбнулся Тимур. А я отметила про себя, какие у него белые и ровные зубы.

— Сам знаешь что, — проворчала я.

— Понятия не имею.

— Перестань, — толкнула я легонько Тимура. Как-то кокетливо получилось, но я не нарочно, честное слово.

Макеев взял с парапета мой пустой стаканчик и выкинул его вместе со своим в ближайшую урну. Потом вернулся ко мне.

— Ладно, — вздохнул он. — Я все-таки уже надумал, что ты от меня без ума. Ждешь не до-

ждешься, когда мы выпустимся из школы, чтобы выскочить за меня замуж и нарожать мне кучу детей.

— Чего-о?

— Я мечтаю о трех сыновьях и младшенькой доченьке. Чтоб как у Бекхэма.

Я молча пялилась на Макеева, а он все это рассказывал, продолжая щуриться от солнца.

А потом вдруг рассмеялся:

— Ты такая наивная, Наташа. Как моя старая кошка.

Теперь уже я его пихнула не кокетливо, а со всей силы. Правда, Тимур от моего толчка даже не шелохнулся.

Он перестал смеяться и уставился на мое лицо. Принялся его так изучать, что я немного засмущалась. Но отводить взгляд не стала. Тоже уставилась на его красивое гладковыбритое лицо.

— Кое о чем я все-таки на самом деле думаю, — наконец сказал Макеев. А у меня от этого странного тона даже дыхание перехватило.

— О чем же? — негромко и хриловато спросила я. В голову полезли шальные мысли, что Тимур меня вот-вот поцелует. А я, возможно, даже не буду против... Дурдом какой-то! Еще вчера я своего одноклассника практически ненавидела, но стоило мне очутиться рядом с ним, как меня словно одурманило.

— Об этом я скажу, когда провожу тебя до дома, — пообещал Тимур. — Где ты живешь?

Я назвала адрес. Мой дом находился достаточно далеко отсюда, а еще я понятия не имела,

где живет сам Макеев и удобно ли ему будет тащиться через полгорода, чтобы меня проводить. Но уж раз вызвался... Мы снова побрели по набережной. Теперь идти было не так холодно, потому что ветер не дул в лицо, а подгонял нас в спину. В какой-то момент Тимур остановился и взял меня за руку. И его ладонь в очередной раз оказалась теплой, а вот моя — наоборот.

— Издеваешься? — спросил Тимур. — Ты и мои перчатки потеряла?

— Нет, они в кармане.

Тогда Макеев сам полез ко мне в карман и, достав свои перчатки, принялся их на меня натягивать. Все это время я следила за его сосредоточенным лицом. Когда Тимур опускал ресницы, меня брала зависть. Это было несправедливо! Вот бы мне такие...

В перчатках стало теплее. Поступок Макеева меня умилил, и настроение стало еще лучше. Мы шли по центру, на улице ярко светило солнце, и свежий снег на газонах слепил глаза.

Иногда мимо пролетали редкие снежинки. Тогда я открывала рот, чтобы поймать хотя бы несколько, а Тимур на меня в это время странно косился и усмехался.

Я встречалась взглядами с прохожими, и они широко улыбались мне. А я улыбалась им в ответ. И было так хорошо...

Не до улыбок мне стало, когда мы зашли в мой двор и остановились у подъезда. Я поймала себя на мысли, что жутко заинтригована и весь путь думаю о том, что же мне не сказал Макеев на набережной. Даже сердце сильнее застучало.

Тимур снова посмотрел на мое лицо и улыбнулся.

— О чем же ты думал? — поторопила я его.

— Я думал, как забавно кетчуп смотрится на твоем носу. Ты похожа на клоуна, — ответил Макеев.

Я поспешно потянулась к рюкзаку и вытащила карманное зеркальце. На носу действительно красовалась засохшая красная клякса внушительных размеров. Как я ее не почувствовала? Так с ней и прошагала через весь центр. Еще проходим улыбалась в ответ, дура!

— Макеев, почему ты мне сразу не сказал? — возмущалась я, оттирая с носа проклятый кетчуп.

— Сказал бы, если бы ты не призналась, что я тебе не особо нравлюсь. Наверное.

Я, перестав оттирать пятно, сердито подняла на него глаза.

— Так это месть?

— Сама разбила мне сердце, а я виноват, — притворно вздохнул Макеев. — Ладно, пока, Наташа. Увидимся в школе!

Тимур развернулся и пошел прочь со двора, а я так и продолжила стоять, глядя ему в спину.

— Эй! — наконец выкрикнула я. — А что мне делать с перчатками?

Макеев развернулся и громко посоветовал:

— Пришей на них резиночку!

Я не удержалась и показала ему язык. Тимур усмехнулся и снова развернулся.

На свой этаж я поднималась в каких-то растрепанных чувствах. Щеки горели то ли от холода, то ли от непонятно откуда взявшегося смущения. Мы

с Тимуром пробродили по улицам почти два часа, так толком и не пообщавшись, но мне казалось, что у нас действительно было настоящее свидание.

Глава четвертая

К тому времени, как я вернулась домой, Эдика у нас уже не было. Зато меня встретили мама с сестрой. Как только я отворила дверь ключом, они выскочили в коридор и встали как вкопанные. Я разматывала шарф, не сводя с них непонимающего взгляда. Мама и Алина загадочно улыбались и время от времени переглядывались, словно заговорщики. Да что с ними такое? Я разулась, скинула пуховик, прошла в ванную, чтобы вымыть руки... Они — за мной. Пока вода плескалась, я расслышала, как мама что-то сказала Алине, а та негромко рассмеялась.

— Что происходит? — сердито спросила я, выключив воду и взяв в руки полотенце.

— Как погуляла? — первой задала вопрос Алина.

— Хорошо погуляла, — отозвалась я, проходя на кухню. — И даже перекусила! Хотя чай бы еще попила.

На столе заметила три чашки и недоеденный разрезанный клубничный рулет. Ага, значит, Эдик уехал от нас не так давно. Ну и скатертью ему дорожка. И тут до меня наконец дошло: он рассказал маме и сестре о нашем с Макеевым «свидании»! Вот почему они такие загадочные. А Алина еще и ржет как дура.

— Что за Тимур? — спросила мама, когда я молча уселась за стол пить чай.

— Тимур как Тимур, — буркнула я.

— Это ведь твой одноклассник? — уточнила Алина.

Я неопределенно дернула плечом. Больше всего на свете мне не хотелось, чтобы мама и сестра решили, что я встречаюсь с Макеевым. Я бы предпочла соврать, что гуляла с Янкой. Но раз уж так сложились обстоятельства... Вот Эдик трепло! Еще и имя назвал. Так бы я выдумала себе какого-нибудь абстрактного воображаемого парня, а не одноклассника, с которым учусь одиннадцать лет.

— Она стесняется, — захихикала Алина, не дождавшись от меня ответа.

— Ш-ш! — шикнула мама на Алину. — Не смущай младшую сестру.

Я жевала клубничный рулет и молчала. Будут пытаться — ничего не расскажу. Да потому что и рассказывать особо нечего.

— Эдик сказал, что этот мальчик был неформального вида, — сказала Алина, усаживаясь на соседний стул.

— Это просто твой Эдик слишком формальный, — отозвалась я, припомнив вылизанного Кравца. Скучный до зубовного скрежета.

— И давно вы встречаетесь? — продолжила наседать на меня сестра.

— Я буду говорить только в присутствии адвоката, — ответила я, торопливо допивая чай. Хотелось скорее спрятаться в своей комнате. Я еще ни разу не обсуждала с семьей такие темы, поэтому мне было неловко.